

Литература

1. Белова А. Д. Лингвистические аспекты аргументации: Дис. ... докт. филол. наук. – Киев, 1998. – 443 с.
2. Бровченко Т. А., Волошин В. Г. Методические указания по математической обработке и анализу результатов фонетического эксперимента. – Одесса: ОГУ, 1986. – 49 с.
3. Ивин А. А. Основы теории аргументации. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 352 с.
4. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVII. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22-130.
5. Рузавин Г. И. Логика и аргументация. – М.: «Культура и спорт», 1997. – 349 с.
6. Сосновцева Т. И. Роль просодии в реализации семантической категории убеждения в аргументативных ДЕ: Дис. ... канд. Филол. Наук. – М., 1992. – 223 с.
7. Чалдини Р. Психология влияния. – СПб.: «Питер», 1999. – 270 с.
8. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М.: Наука, 1988. – 337 с.
9. Fundamentals of Argumentation Theory. A Handbook of Historical Backgrounds and Contemporary Development / ed. By F. H. van Eemeren, R. Grootendorst & F. Snoek Henkemans. – Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1996. – 424 p.
10. O'Keefe D. J. Persuasion. Theory and Research. – Newbury Park, etc.: Sage Publications, 1990. – 270 p.
11. Searl, J. Expression and Meaning. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 187 p.

Герасименко И. А.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ *СЕРЫЙ, СЕДОЙ, СИВЫЙ, СИЗЫЙ* КАК СОСТАВЛЯЮЩИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Как известно, фразеологический корпус является пластом лексического состава языка, в котором зафиксированы сведения о духовной культуре и менталитете нации. В подобных словесных комплексах закодирована информация об истории, укладе жизни и характере народа. Значительную часть фразеологии составляют фраземы, в состав которых входят цветообозначения (далее ЦО). Функционируя во фразеологии, ЦО также раскрывают национальные и культурные компоненты языка народа, передают его менталитет. Говоря иначе, через фразеологические единицы с колоративным компонентом прослеживаются фрагменты картины мира, специфичные для определенной лингвокультурной общности.

В современном языкознании существует немалое количество исследований, посвященных фразеологии-лексическим единицам (далее ФЕ) и паремиям с колоративным компонентом. Их структура и функционирование освещались в исследованиях Д. А. Бондермана, С. Войновой, М. Ивич, Л. Е. Кругликовой, Е. А. Шеховцевой, Л. А. Шестаков и др. В последнее время ФЕ с колоративным компонентом изучаются с позиций их ментальной и национально-культурной маркированности (см., например, работы С.И. Григорук, Е. В. Недельчо, С. В. Кулинской, Л. И. Лонской), что стимулировано пониманием языка как модели культуры.

Однако исследования ФЕ, имеющие в своем составе колоративный компонент, носят разрозненный характер, в целом они лишь эпизодически опираются на сведения об историко-культурной языковой традиции. Не будет преувеличением сказать, что, несмотря на немалое количество и многообразие работ в области цвета вообще и в отношении ЦО *серый, седой, сивый, сизый* в частности (см., например, работы В. В. Короны, М. Рачевой, И. Л. Наумовой, О. В. Коваль-Костинской, В. Е. Моисеенко и др.), для лингвистов семиотика цвета во фразеологии остается изученной не до конца. Цель данной статьи – рассмотреть отдельные имена цвета (*серый, седой, сивый и сизый*) в составе русских идиом с целью раскрытия их глубинной этнокультурной информации. Определение исходной семантики рассматриваемых колоративов проводится с учетом получившей в последнее время распространение идеи о зарождении человеческой истории в северной части земного шара. Прошлое бытие северных (а значит, и русского) народов, которое уже описано с позиций археологических, астрономических, мифологических и других наблюдений (см. работы В. Н. Демина, В. В. Богданова, У.Ф. Уоррена, А.С. Хомякова и др.), проходило в условиях «черно-белого» года, т. е. года, определенная часть которого была занята полярной ночью. Это предопределило конкретное содержание ряда языковых единиц (см.: [Луценко 2004а]), в том числе, как кажется, и интересующих нас слов *серый, седой, сивый, сизый*. Более того, если согласиться с тезисом о тьме как первоначальном состоянии всего сущего, то мироздание надо будет понимать как переход от тьмы к свету, от темного к светлому (вспомним соответствующие тексты, посвященные представлению о том, что было до начала, до акта творения, где в части описания хаоса можно найти следующее суждение: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною» [Библия 1992, с. 1]). Уже отчасти установлено, что мрак является не только частью бытия, но и фактором глоттогенеза. Последнее в какой-то мере можно подтвердить, разбирая смысловую наполняемость вышеуказанных колоративов и близких им соответствий. Конкретным материалом исследования послужили факты, представляющие собой устойчивые изречения с цветовым компонентом, взятые из фразеологического словаря русского языка (далее [ФСРЯ 1986]), фразеологического словаря русского литературного языка (далее [ФСРЛЯ 2001]), большого словаря крылатых слов русского языка (далее [БСКРСЯ 2000]) и одного из лучших в славянской фразеологии сборника «Пословицы русского народа» В.И. Даля, представленного изданиями [Пословицы русского народа 2000] (далее [ПРН 2000]) и [Пословицы и поговорки русского народа 1987] (далее [ППРН 1987]). Частично используются и другие источники, в частности, «Русские народные загадки, пословицы, поговорки» под редакцией Ю.Г. Круглова (далее [РНЗПП 1990]), «Русские пословицы и поговорки» под редакцией В.П. Аникина (далее [РПП 1988]).

Уже предварительные наблюдения показывают, что адъективы *серый, седой, сивый и сизый* имеют, как правило, схожую семантику, называя близкие по спектру цвета. «Серый, – пишет В.И. Даль, – близкий к сивый, сизый, седой» [Даль (4) 1982: 381]. Соответственно, *серый* – это колоратив, обозначающий цвет ‘между черным и белым’, ‘цвет пепла’, ‘стальной’; *седой* – ‘серовато-белый’; *сивый* – ‘темно-серый с сединой’, ‘темно-сизый’, ‘серовато-сизый’; *сизый* – ‘серо-синий’, ‘черный с просинью’ [Даль (4) 1982: 180, 183], [Моисеенко 2000: 183–184]. Все эти ЦО, объединенные общим смыслом ‘серый’, регулярно представлены в русской фразеологии. Ср.: *Мыло серо, да моет бело* [ПРН (2) 2000: 326]; *Мальчишка в сером армячишке / по дворам иньряет, / крохи подбирает, / по полям ночует, / коноплю ворует (воробей)* [РНЗПП 1990: 49]; *Дедушка сед, а смерти на него нет*

[ПРН (2) 2000: 75]; *И сед, да ума нет; и молод, да дела вершит* [РПП 1988: 115]; *Сивая лошадь черноволосому пуще не ко двору* [ПРН (2) 2000: 669]; *Сивую буренушку и дома не любят, / и на торгу не купят (мышь)* [РНЗПП 1990: 53]; *Ни за сизо перышко* [ФСРЛЯ 2001: 442].

Но, обозначая спектрально близкие цвета, адъективы *серый, седой, сивый, сизый* отличаются друг от друга тем, какую область серого цвета – светлую или темную – они характеризуют. В частности, лексемы *сивый, сизый* традиционно передают темно–серые цвета, а колоративы *серый, седой* участвуют в обозначении светло–серых оттенков. Данное смысловое наполнение анализируемых слов отражено во фразеологическом корпусе русского языка. Ср.: *Не в том сила, что кобыла сива, а в том, что не везет* [ПРН (2) 2000: 279]; *Не сизый орел, не ясный сокол подымается* [РПП 1988: 115]; *Не все, что серо, волк* [ППРН 1987: 503]; *До седых волос* [ФСРЛЯ 2001: 85].

Однако анализ фактического материала показывает, что рассматриваемые ЦО неоднозначны по своей семантике. Так, слово *серый* и близкие к нему соответствия кроме своих прямых (цветовых) значений, выражают в ряде случаев смыслы ‘тусклый’, ‘темный’ и, как следствие, ‘плохой’. Например: *Серое суконце летит в оконце (свет)* [РНЗПП 1990: 23]; *Ночью все кошки серы* [РПП 1988: 115]; *Говорит красно, а выходит серо* [Даль (4) 1982: 381]. Имеет место и взаимозаменяемость наших ЦО в составе фразеологизмов. Так, прилагательное *седой* может быть функционально тождественно близкому по спектру слову *серый*, передавая схожий с ним смысл: *Сер волк, сед волк, а все ему волчья честь* [РНЗПП 1990: 271]; *Седое сукно* [Даль (4) 1982: 378]; *Хоть серо, да сбойливо. И серо, да носко* [ППРН 1987: 506]. Здесь серым является неокрашенное сукно [Даль (4) 1982: 381]. В свою очередь колоративы *сизый, сивый* обозначают не только типичные для них темно–серые цвета, но и светлые, синонимизируясь при этом со словом *седой*. Например: *Сивые космы иней* [Даль (4) 1982: 180]; *Сизый иней* [Даль (4) 1982: 383]; *Седая изморось, седой иней* [Даль (4) 1982: 378]. Прилагательное *сивый* функционально заменяет ЦО *седой* и в случае описания цвета волос. Ср.: *Борода сивая, да душа красивая* [РНЗПП 1990: 188]; *Сивая голова* [Даль (4) 1982: 180] и *Седой, как лунь* [ПРН (2) 2000: 327]. В данных примерах слова *сивый* и *серый* представляют область светлого (беловатого) цвета. Адъектив *сивый* выступает репрезентантом смысла ‘светлый’, кроме основного темного, и при характеристике месяца: *На поляне синей пасется конь сивый (небо, месяц)* [РНЗПП 1990: 21].

Безусловно, имеющие место случаи взаимозаменяемости анализируемых лексем, их способность передавать семантику и темных, и светлых цветов, закрепление за некоторыми из рассматриваемых колоративов различных коннотаций хаотичными назвать нельзя. Способность ЦО выражать разные, даже диаметрально противоположные значения связана с процессом формирования глубинных смыслов в период переживания смен полярных дня и ночи. Вероятно, отсюда и разноплановость семантики каждого ЦО (в том числе и слов *серый, седой, сивый, сизый*), их многозначность и амбивалентность.

Следует отметить, что традиционная лингвистика рассматривает данные адъективы как слова, восходящие к славянскому *sei- / soi-* [Кезина 2000: 26], связывая их с *синий* и *сиять* [Фасмер (3) 1987: 590]. Однако объяснить в диахроническом плане отношение наших ЦО как друг к другу, так и к прилагательному *синий* авторы затрудняются. По мнению, например, М. Фасмера, «неясно отношение к *сизый, сивый, синий*» прилагательного *седой* [Фасмер (3) 1987: 590]. Кроме того, не решен вопрос о связи данных колоративов с глаголом *сиять*. То, что ЦО *сивый* и *сизый* родственны со словом *синий*, не вызывает сомнений. Как уже не раз говорилось, от примитива *si*, который исходно имел значение ‘темный’ (ср. *су–мрак*), ввиду рефлексии *u > na*, а также «проявления стыковой мягкости в виде гласного», произошло ЦО *синий* (*су–* → *сна–* → *сня–* → *сьна* → *синя // синий*) [Луценко 2004б: 8]. Соответственно, от элемента *су–* вследствие рефлексии *u > wa*, *u > ha* образовались лексемы *сивый* и *сизый*: *су–* → *сва–* → *сьва–* → *сива // сивый*; *су–* → *сга–* → *сьга–* [ср. *зага*] → *сиза // сизый* [Луценко 2004б: 9] (не случайно М. Фасмер указывает, что «скорее всего *сизый* от того же корня, что и *сивый*» [Фасмер (3) 1987: 619]). Что касается лексем *серый* и *седой*, то они восходят к *seĭ*, а значит также связаны с *су–* ввиду «чередования *ě // u*» [Цыганенко 1989: 372] и родственны славянскому *chĕrŭ* ‘черный’ ввиду «перехода *ch > s* перед *ě*» [Суровцова 1976: 141]. Все эти факты указывают на то, что адъективы *серый, седой, сивый, сизый* (также как и *синий*) исходно имели значение темного цвета, *серый, седой, сивый, сизый* по прототипической семантике – это ‘темный’. Поэтому трудно согласиться с тем, что и разбираемые лексемы, и родственный с ними колоратив *синий* первично были связаны со словом *сиять* и относились к области обозначений светлого цвета.

Очевидно, поэтому референтные сферы адъективов *сизый, сивый* традиционно осмысливаются как темно–серые, а ЦО *серый* передает в ряде случаев смысл ‘темный’ и, как следствие, используется в составе идиом для выражения различных отрицательных коннотаций. Ср.: *Мужик-то сер, а ум-то у него не волк (не черт) съел* [РПП 1988: 188]. В этом примере сочетание *серый мужичок* означает ‘простой, грубый, рабочий, черный’ [Даль (4) 1982: 381]. Или: *Некто в сером* ‘бездарный человек, от которого, однако, зависят судьбы других людей’ [БСКСРЯ 2000: 311]; *Серая свита* [Даль (4) 1982: 381]; *Хоть свита сера, только воля своя* [РПП 1988: 322]; *Серый кардинал* ‘сильный человек, оказывающий значительное влияние на ход событий, но предпочитающий оставаться в тени’ [БСКСРЯ 2000: 445]. Здесь лексема *серый* выражает необразованность (1, 2), посредственность, но влияние (3, 4, 5) или коварство личности (6). Можно поставить в заслугу некоторым ученым то, что отрицательную семантику данного колоратива они объясняют его причастностью к обозначению темных цветов. «Слова *серый / сирый* в русских и украинских народных изречениях, – пишет С.И. Григорук, – выявляют преимущественно негативную оценочную семантику. <...> Одной из причин такого осмысления серого цвета, возможно, является то, что он близок к темным цветам» [Григорук 2002: 143]. Однако истоки этой связи лингвисты, к сожалению, не прослеживают. Считаем, что негативную коннотацию рассматриваемого ЦО нужно возводить к глубинной семантике слова *серый*, т. е. к понятию ‘темный’.

Как видим, фразеологический корпус русского языка зафиксировал слова и понятия *серый, седой, сивый, сизый* как семантически многослойные концепты. Данные колоративы с различной степенью регулярности отразили семантику темных и светлых цветов. Однако логическая связь этих слов со смыслом ‘светлый’ (как, впрочем, и ‘темный’) остается невыясненной. Если признать идею о первичности северного бытия и,

соответственно, аспект тьмы как исходный аспект восприятия всего сущего, то смысл 'светлый' надо будет рассматривать как тот, что возник вторично, на основе 'темного'. «Свет, светлое были исходно названы как части целого <...> по мраку / тьме», «по целому, тьме, были названы луна, звезды и свет в целом», – пишет Н. А. Луценко [Луценко 2004б: 6, 8]. Этим, по нашему мнению, и обусловлена скрытая парадигматическая связь в значениях разбираемых лексем смысла 'темный' с различными оттенками 'белого' ('беловатого').

Такое совмещение различных семантик в рамках слова *серый* представлено в речении *серая лошадь*. Ср.: *Ему серая не ко двору приходится* [ППРН 1987: 631]. Данное гиппологическое обозначение не выражает конкретный цветовой признак. Под мастью *серая* понимается и 'с шерстью цвета золы', 'близкая к сивый, сизый, седой' [Моисеенко 2000: 183], 'пепельная' [Даль (4) 1982: 381], и 'белая' 'беловатая' [Одинцов 1978: 182], т. е. и 'темная', и 'светлая'. «Лошади, относимые коневодами к серым, воспринимаются зрительно как белые», – указывает Г.Ф. Одинцов. И далее: «Лошади серой масти примерно через 10-12 лет становились белыми» [Одинцов 1978: 182]. Поэтому не случайно название серой масти синонимировалось со словами, обозначающими как темное, так и светлое. Ср.: *ĭāðèúú á ñħðħ áúðèàúú* [Моисеенко 2000: 183]; *Ēúú ñħðú äèèúúàðúú* [Моисеенко 2000: 183]. По сути, лексема *серый* в рамках сочетания *серая лошадь* и близких к нему соответствий может передавать два диаметрально противоположных смысла, что, как мы думаем, объясняется указанной естественной смысловой эволюцией от смысла 'темный' к смыслу 'светлый'.

С точки зрения наличия в адъективах *серый, седой, сивый, сизый* смысла 'светлый' интересными являются такие выражения, как *Серые туманы* [Даль (4) 1982: 381]; *Седой дедушка у ворот всем глаза заволок (туман)* [РНЗПП 1990: 25]; *Сивые кабаны все поле облегли (туман)* [РНЗПП 1990: 24]; *Что не пыль в поле подымается, не туман сизый с раздолья подымается* [РПП 1988: 426]. Здесь характеризующие туман ЦО *серый, седой, сивый, сизый*, во-первых, синонимизируются друг с другом, что свидетельствует об их общей исходной связи, а во-вторых, передают смысл 'светлый' (> 'белый'). Ср. описание тумана с помощью некоторых из анализируемых колоративов в художественных текстах: *Мгновенье тоски и вызова, / Движенье, как длинный крик, / И в волны тумана сизого, / Окунутый легкий лик* (Цветаева); *Там, в сером и гнилом тумане, / Увяла плоть и дух погас, / И ангел сам священной брани, / Казалось, отлетел от нас* [Блок 1978: 221]. В выделенных речениях слова *серый* и *сизый*, скорее всего, не выражают тех конкретных цветовых оттенков, которые за ними закреплены. Данные лексемы функционально соотносятся друг с другом, представляя с различной степенью эксплицитности их общий смысл 'светлый' ('белый'). Поэтому встречающийся в художественных текстах скрытый эквивалент названных синтагм – *белый туман* – весьма репрезентативен. Ср.: *Те закаты и восходы, тот туман, белый-белый, который лежит на реке, обещаая знойный день, жужжание моторной лодки из этого тумана, удочка в руке, а за спиной мычит, позвякивает чем-то, кукарекает деревня...* [Гришковец 2005: 16].

Соотнесенность ЦО *сивый* и близкого к слову *серый* прилагательного *серенький* со смыслом 'светлый' прочитывается и в *С вечера сивый жеребец / в полдень глядит, / в полночь жеребец / через кровлю бежит (месяц)* [РНЗПП 1990: 21]; *Серенькое утро – красненький денек* [РПП 1988: 394]. Здесь колоративами *сивый, серенький* обозначается то, что чаще всего осмысливается как светлое. Думается, что в подобных случаях наши прилагательные участвуют не столько в описании конкретного явления, сколько в представлении признаков всей ситуации.

С развитием языка лексемы *серый, седой, сивый, сизый* приобрели собственно цветное значение (см., например, др.-русск. *с рь*, укр. *сірий*, болг. *сер*, словен. *ser, sera* 'серый', 'беловатый', др.-чешск. *šerý* 'серый', слвц. *šerý* 'то же', польск. *szary* 'то же'; ст.-слав. *ñħàú*, др.-русск. *с дь*, укр. *сідий*, словен. *sêd*, чешск. *šedý*, польск. *szady*; др.-русск. *с вь*, укр. *сивий*, болг. *сив*, словен. *sív*, слвц. *sivý*, польск. *síwy*; др.-русск. *шизый*, укр. *сизий* [Фасмер (3) 1987: 590, 610-611, 617 619]). Слова *серый, седой, сивый, сизый* стали пониматься как лексемы, передающие цветовой признак, что и закреплено в ряде фразеологических и паремиологических формул. Так, с помощью колоратива *серый (серенький)* передается окрас шерсти, цвет глаз, одежды. Например: *Жизнь – барину, попу да серому коту* [РНЗПП 1990: 132]; *От серого глаза, от карего глаза, от синего глаза, от черного глаза* [ПРН 2000 (2): 177]; *У меня хоть кафтан сер, да я за пазухой смел; а у тебя хоть кафтан синь, да люди говорят: его скинь* [ППРН 1987: 521]. Прилагательное *седой* участвует в передаче цвета волос и, как следствие, старости и мудрости. Ср.: *Зеленый седому не указ* [РНЗПП 1990: 189]; *Молодой зелен, старый сед, а середовий в масть* [ПРН 2000 (2): 377]. Адъектив *сивый* характеризует, как правило, масть (окрас), реже – цвет растений и предметов обихода. Например: *Не в том сила, что кобыла сива, а в том, чтобы воду возила* [ППРН 1987: 208]; *Будешь знать до конца, будешь сив как овца* [РПП 1988: 29]; *Степь сивым-сивехонька (ковыль дошел, побелел)* [Даль (4) 1982: 180]; *Сивая свинья на дубу гнездо свила, детки – по веткам, а сама в корешок (горох)* [РНЗПП 1990: 66]; *Сивая кобыла по торгу ходила, по дворам бродила, к нам пришла, по рукам пошла (сито)* [ПРН 2000 (2): 597]. Как видим, растительный и предметный мир ЦО *сивый* характеризует в большей мере через окрас животных. И, наконец, слово *сизый* имеет узкую цветовую семантику, передавая исключительно окрас голубя: *Дикие голуби бывают сизые* [Даль (4) 1982: 183]. Поэтому данное ЦО в сочетании с элементом *голуб-* является типичным примером ласкательных обращений или обрядовых описаний-характеристик: *Сиз голубчик дорогой* [Даль (4) 1982: 183]; *Вы видели нашего сокола, покажите же нам вашу сизу голубицу* [Даль (4) 1982: 183]. В указанных случаях лексемы *серый, седой, сивый, сизый* используются как спектральные цвета и имеют буквальное (цветовое) значение.

Изложенное позволяет считать, что слова с общим значением 'серый' в составе фразеологических формул соотносятся в языковом функционировании, поскольку диахронически ориентированы на идею тьмы. Только естественной смысловой эволюцией объясняется то, почему разные лексемы участвуют в обозначении одних и тех же цветовых смыслов и почему одни и те же колоративы нередко, имплицитно или эксплицитно, употребляются для обозначения как 'темного', так и 'светлого'. Приведенные наблюдения показывают, что своеобразие человеческого языка хотя бы отчасти определяется тем, что люди начали свою историю на севере. Поэтому буквально, «реалистично» интерпретировать фразеологизмы, подобные рассмотренным, ошибочно. Необходимо смотреть на них как на многослойную (прежде всего семантически) единицу мысли. Подобный

подход должен быть взят за основу при рассмотрении идиоматических сочетаний с иными (не только *серый, седой, сивый* и *сизый*) колоративами.

Источники и литература

1. Берков В. П., Мокиенко В.М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка: Около 4000 единиц. – М.: Изд-во «Русские словари», ООО «Изд-во АСТ», 2000. – 624 с.
2. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета канонические. – Russian Bible: United Bible Societies, 1992. – 292 с.
3. Блок А. А. Избранное. Стихотворения и поэмы. – Краснодар, 1978. – 271 с.
4. Григорук С. И. Концепт цвета в русской и украинской народной паремииологии (аксиологический аспект) // Слово. Фраза. Текст: сб. науч. ст. к 60-летию проф. М. А. Алексеенко / Редкол.: В.М. Мокиенко (гл. ред.), Х. Вальтер (Германия), К. Иван (Польша) и др. – М.: Азбуковник, 2002. – С. 137–144.
5. Гришковец Е. Реки. Повесть. – М.: Махаон, 2005. – 192 с.
6. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х томах. – М.: Рус. яз. – Т. 4. – 1982. – 683 с.
7. Кезина С. В. История цветообозначений в русском языке: Учеб.-метод. пособие к спецкурсу / Пензен. гос. пед. ун-т им. В.Г. Белинского. – Пенза, 2000. – 50 с.
8. Корона В. В. Семантика серого цвета в творчестве А. Ахматовой // Дергачевские чтения — 2000: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Материалы межд. науч. конф. 10-11 октября 2000 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – С. 150-156.
9. Луценко Н. А. Жизнь на севере в отражении языковых явлений // Филологические исследования: Сборник научных работ. – Выпуск 6. – Донецк: ООО «Юго-восток, Лтд», 2004. – С. 234-250.
10. Луценко Н. А. Из записок по диахронической семантике: 'синий' // Нова філологія. – Запоріжжя, 2004. – № 1 (20). – С. 5–13.
11. Моисеенко В. Е. Из истории цвета и масти животных в русском языке // Gadányi K., Mojszejenko L., Mojszejenko V. Слово и цвет в славянских языках. – Melbourne: Academia Press, 2000. – С. 160–186.
12. Пословицы и поговорки русского народа. Из сборника В.И. Даля / Под общ. ред. Б. П. Кирдана; Вступ. ст. М. А. Шолохова; Послел. В. П. Аникина. – М.: Правда, 1987. – 656 с.
13. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля: В 3 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 1. – 640 с.; Т. 2. – 704 с.
14. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: В 2-х т. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. – Т. 2. – 1284 с.
15. Рачева М. За происхождения от диалектного цветоозначение *сруен* «сив, базав» // Български език / Орган на ин-та за български език при Българск. Академия на Науките. – С., 1995. – Год. 45. – Кн. 4. – С. 325-326.
16. Серебряный век русской поэзии: Сборник / Сост., авт. коммент.: И. Г. Панченко, Л. В. Скуратовский; Авт. предисл. В. Л. Скуратовский. – К.: Дніпро, 1991. – 639 с.
17. Суровцова М. А. Выражение цветовых значений в общеславянском языке // Этимологические исследования по русскому языку. – Вып. 8. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – С. 136-155.
18. Наумова И. Л. Из семантических проблем цветописи. Специфика сложных смешанных цветов. Сизый // Актуальные вопросы риторики и коммуникативной лингвистики. – М., 1996. – С. 57-66.
19. Одинцов Г. Ф. История русских гиппологических цветообозначений // Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. – М.: Наука, 1978. – С. 172-221.
20. Русские народные загадки, пословицы, поговорки / Сост., авт. вступ. ст., коммент. и слов Ю. Г. Круглов. – М.: Просвещение, 1990. – 335 с.
21. Русские пословицы и поговорки / Под ред. В. Аникина; Предисл. В. Аникина; Сост. Ф. Селиванов; Б. Кирдан; В. Аникин. – М.: Худож. лит., 1988. – 431 с.
22. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачев. – 2-е изд., стереот. М.: Прогресс, 1986-1987. – Т. 3. – 832 с.
23. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4 000 словарных статей / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; Под ред. А.И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – 543 с.
24. Фразеологический словарь русского литературного языка / Сост. А.И. Федоров. – М.: ООО «Фирма Издательство АСТ», 2001. – 720 с.
25. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка: Более 5000 слов. – 2-е изд., перераб. и доп. – К.: Рад. шк., 1989. – 511 с.
26. Шемякин Ф. Н. К вопросу об отношении слова и наглядного образа (цвет и его названия) // Изв. Академии Пед. Наук РСФСР. – Вып. 113: Мышление и речь / Отв. ред. Ф.Н. Шемякин. – М., 1960. – С. 5-48.
27. Шолохов М. А. Тихий Дон: Роман в 4-х кн. // Шолохов М. А. Собр. соч. в 8-ми т. – М.: Худож. лит., 1985. – Т. 1. – 351 с.
28. Zych A. Relacje leksykalno-semantyczne w polskich i rosyjskich gniazdach słowotwórczych z centrum *biały, czarny, szary; belyj, černyj, seryj* // Prace Językoznawcze, Prace Naukowe Uniwersytetu Śląskiego w Katowicach. – 1993. – 20. – Katowice. – S. 25-51.

Условные сокращения

- БСКСРЯ 2000: Берков В. П., Мокиенко В.М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка: Около 4000 единиц. – М.: Изд-во «Русские словари», ООО «Изд-во АСТ», 2000. – 624 с.
- БСЭ 1978: Большая советская энциклопедия: В 30 т. / Гл. ред. А. М. Прохоров. – Изд. 3-е. – М.: Сов. энциклопедия, 1978. – Т. 28. – 616 с.
- ППРН 1987: Пословицы и поговорки русского народа. Из сборника В. И. Даля / Под общ. ред. Б.П. Кирдана; Вступ. ст. М.А. Шолохова; Послел. В. П. Аникина. – М.: Правда, 1987. – 656 с.
- ПРН 2000: Пословицы русского народа: Сборник В. Даля: В 3 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 1. – 640 с.; Т. 2. – 704 с.
- РНЗП 1990: Русские народные загадки, пословицы, поговорки / Сост., авт. вступ. ст., коммент. и слов Ю.Г. Круглов. – М.: Просвещение, 1990. – 335 с.
- РПП 1988: Русские пословицы и поговорки / Под ред. В. Аникина; Предисл. В. Аникина; Сост. Ф. Селиванов; Б. Кирдан; В. Аникин. – М.: Худож. лит., 1988. – 431 с.
- ФСРЯ 1986: Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4 000 словарных статей / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; Под ред. А. И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – 543 с.
- ФСРЛЯ 2001: Фразеологический словарь русского литературного языка / Сост. А.И. Федоров. – М.: ООО «Фирма Издательство АСТ», 2001. – 720 с.

Главацкая Е. И.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИНОНИМИЯ В СФЕРЕ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА (ОТАДЪЕКТИВНАЯ ПРОИЗВОДИМОСТЬ)

Словообразовательная синонимия, как известно, представляет собой один из типов отношений единиц параллельной производности, являясь в «грамматике живого языка извечной формой ее развития» и «одной из очевидных особенности речи» В работах, посвященных проблемам синонимии в словообразовании, термин *словообразовательные синонимы* является наиболее распространенным. Обычно его употребляют, когда речь идет об однокоренных словах, принадлежащих к синонимичным словообразовательным типам и обладающих различными аффиксами. В РГ–80 словообразовательные синонимы определяются как: «отдельные образования, принадлежащие к полностью или частично синонимичным типам и характеризующиеся общим корнем» [6].

В современном русском языке довольно многочисленны пары (ряды) словообразовательных аффиксов, имеющих совершенно разный фонемный состав, но совпадающих по своей семантике. Такие аффиксы